

УДК 343.985:004

**ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ
И ПРЕДЕЛАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА**

Виталия Михайловна Данилкина

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, kira.danilkina.15@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье на основе анализа эмпирического материала, включая следственную практику, зарубежного опыта (израильские системы мультимодального анализа Airis, британские платформы визуализации связей I2) и судебных precedентов (американская система оценки риска рецидивов COMPAS) рассматриваются актуальные вопросы внедрения алгоритмов искусственного интеллекта в тактику производства допроса, выявляются криминалистические возможности и пределы его использования для минимизации рисков судебных ошибок с учетом феномена алгоритмической предвзятости и отсутствия у нейросетей внутреннего убеждения в целом и по конкретному делу. По итогам проведенного исследования предложены практические рекомендации по наиболее результативному применению цифровых технологий в рамках предварительного расследования преступлений, в частности при производстве допроса, а также сформулированы условия, при соблюдении которых искусственный интеллект остается эффективным инструментом, упрощающим деятельность следователя путем автоматизации анализа совокупности больших данных и оптимизации рутинных операций, но не подменяющим участников уголовного судопроизводства как субъектов познания.

Ключевые слова: уголовный процесс, допрос, искусственный интеллект, криминалистическая тактика, мультимодальный анализ, цифровизация расследования, пределы доказывания, алгоритмическая предвзятость

Для цитирования: Данилкина В. М. Дискуссионные вопросы о криминалистических возможностях и пределах использования искусственного интеллекта при производстве допроса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 158—163.

**DISCUSSION ISSUES ON FORENSIC CAPABILITIES AND LIMITS
TO USE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN INTERROGATION**

Vitalia Mikhailovna Danilkina

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, kira.danilkina.15@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of empirical data, including investigative practice, international experience (Israeli multimodal analysis systems Airis, British connection visualization platforms I2), and judicial precedents (American recidivism risk assessment system COMPAS), this article, examines topical issues to integrate artificial intelligence algorithms into interrogation tactics. It identifies the forensic capabilities and limits of its use to minimize the risk of judicial errors, taking into account the phenomenon of algorithmic bias and the lack of internal conviction of neural networks in general and in specific cases. Based on the results of the study, practical recommendations are proposed for the most effective use of digital technologies in preliminary investigations of crimes, particularly while interrogating. The author also formulates conditions under which artificial intelligence remains an effective tool, simplifying the work of investigators by automating the analysis of big data sets and optimizing routine operations, but not replacing participants in criminal proceedings as subjects of knowledge.

Keywords: criminal procedure, interrogation, artificial intelligence, forensic tactics, multimodal analysis, digitalization of investigation, limits of proving, algorithmic bias

For citation: Danilkina V. M. Discussion issues on forensic capabilities and limits to use artificial intelligence in interrogation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 158—163, 2026. (In Russ.).

Допрос традиционно занимает центральное место в системе следственных действий, выступая одновременно источником доказательственной информации и средством проверки уже собранных материалов. Криминалистическая наука определяет его как сложный, многосоставный процесс взаимодействия допрашивающего и допрашиваемого, требующий высокого уровня профессиональной компетентности следователя, психологической наблюдательности, рефлексивного управления коммуникацией и развитой интуиции. Качество проведения допроса напрямую определяет полноту доказательственной базы и, соответственно, законность итоговых процессуальных решений [1, с. 20].

Вместе с тем в условиях цифровизации современного общества и стремительного развития научно-технического прогресса деятельность следственных подразделений правоохранительных органов невозможно представить без использования информационных систем, цифровых баз данных и телекоммуникационных технологий связи. Традиционные методы обработки значительного объема доказательственной информации, включающей текстовые документы, фото- и видеоматериалы, аудиозаписи, данные мобильных устройств, сведения из сети Интернет, требуют значительных временных затрат и не всегда позволяют оперативно выявлять взаимосвязи между отдельными событиями, лицами и доказательствами. Поэтому информационно-телекоммуникационные технологии становятся важнейшим инструментом повышения эффективности предварительного расследования, более быстрого установления обстоятельств совершения преступлений, идентификации лиц, в том числе с использованием различных баз данных, а также позволяют повысить качество документирования следственных действий и сократить временные затраты сотрудников.

Безусловно, современный этап развития правоприменения характеризуется стремительной цифровизацией расследования. 19 мая 2025 г. на Петербургском международном юридическом форуме председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин представил данные, иллюстрирующие двойственную природу внедрения искусственного интеллекта (далее — ИИ) в практику раскрытия преступлений. С одной стороны, алгоритмы машинного обучения продемонстрировали высокую эффективность при анализе больших массивов данных, что позволило установить лиц, причастных к убийствам Дарьи Дугиной

и Владлена Татарского, а также к покушениям на Захара Прилепина и Владимира Соловьева¹. С другой — глава ведомства привел прецедент, имеющий принципиальное криминалистическое значение: «У нас был случай, когда с помощью механизма ИИ мы задержали подозреваемого, потом он стал обвиняемым, отсидел под следствием. А потом у него появилось жесткое алиби. Это было преступление прошлых лет. Меня это огорчило, потому что мы по сути дела едва не привлекли к ответственности невинного человека»². Данная дилемма — между большим эвристическим потенциалом ИИ и рисками для процесса доказывания — обуславливает постановку проблемы определения криминалистически обоснованных возможностей и юридически допустимых пределов использования технологий ИИ в повседневной практической деятельности правоохранительных органов.

Анализ юридической природы доказывания позволяет выделить функции, которые следователь не вправе делегировать алгоритмическим системам. Во-первых, технические средства не могут оценивать соблюдение процессуальной формы доказательства, поскольку такая оценка требует правовой квалификации [1, с. 49]. Следовательно, решение о допустимости доказательства может быть принято исключительно лицом, производящим расследование и несущим за него полную юридическую ответственность.

Во-вторых, оценка совокупности доказательств требует синтеза разнородной информации на основе внутреннего убеждения следователя, базирующегося на законе и совести, что не может быть подменено статистическим выводом нейросети. Роль ИИ состоит в технической поддержке следователя, оптимизации и автоматизации рутинных операций при производстве следственных действий, а также информационном обеспечении деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, но ключевым ее элементом был и остается человек. Например, при исследовании цифровых

¹ Бастрыкин: ИИ помог раскрыть убийства Дугиной и Татарского // Дума ТВ. URL: <https://dumatv.ru/news/bastrykin-ii-pomog-raskryt-ubijstva-duginoj-i-tatarskogo> (дата обращения: 10.06.2026); СК использовал ИИ, расследуя убийства Дугиной и Татарского // Life.ru. URL: <https://life.ru/p/1739856> (дата обращения: 10.06.2026).

² Искусственный интеллект помог СК раскрыть несколько громких преступлений // ФОНТАНКА.ру. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/05/19/74788564/> (дата обращения: 10.06.2026).

носителей информации, телефонных соединений, переписки в мессенджерах и социальных сетях алгоритмы ИИ способны выявлять взаимосвязи между фигурантами уголовного дела, формировать хронологию событий, систематизировать документы и мультимедийные файлы, а также осуществлять быстрый поиск ключевых слов и подозрительных фраз. Но вместе с тем ИИ только имитирует процесс познания при неосмысленном, некритическом чтении массива формализованных и оцифрованных данных.

В-третьих, на основе анализа сведений, доступных в открытых источниках сети Интернет, с использованием различных программных средств автоматизации поиска информации возможно осуществление моделирования личности допрашиваемого, а следовательно, выбрать оптимальный метод допроса. Но, повторим, и в данном случае современные технологии играют только вспомогательную роль, а практическая реализация всех предоставленных возможностей и достижение целей допроса остается в прямой зависимости от коммуникативных навыков следователя, его знаний и практического опыта, а также недоступной ИИ интуиции.

Вместе с тем эвристический потенциал технологий ИИ в тактике производства следственных действий остается крайне высоким. Например, на этапе подготовки к допросу важным условием его будущей результативности является грамотное информационное моделирование предстоящего коммуникативного акта. Именно здесь аналитические способности ИИ проявляются наиболее ярко. Как показала практика расследования резонансных преступлений в Российской Федерации, алгоритмы ИИ позволили обработать колоссальные массивы неструктурированной информации, включающей записи с камер наружного наблюдения (суммарно тысячи часов видео), данные о соединениях абонентов (биллинг), контент социальных сетей и мессенджеров, а также открытые интернет-источники. Ручной анализ таких объемов в рамках уголовно-процессуальных сроков объективно затруднен, а в ряде случаев и вовсе невозможен. Однако применение систем на основе машинного обучения сокращает временные затраты с нескольких месяцев до нескольких суток, позволяя выявить корреляции и устойчивые шаблоны поведения фигурантов, ускользающие от традиционных криминалистических методов.

Международное взаимодействие, анализ и использование передового опыта применения современных технологий правоохранительными орга-

нами других стран демонстрирует схожие тенденции. М. Краг, технический менеджер международного агентства I2 (Великобритания), в своих исследованиях показывает, что системы визуализации связей на основе ИИ способны в считанные минуты строить графы взаимоотношений членов преступных групп [2]. Данные системы автоматически анализируют частотность и длительность телефонных соединений, выявляя иерархическую структуру преступного сообщества, идентифицируя «узлы влияния» и каналы коммуникации, недоступные для линейного анализа. Для следователя, готовящегося к допросу рядового участника преступной группы, визуализированная схема выступает в роли тактического ключа, позволяющего предъявлять неожиданные доказательства и задавать точные вопросы о реальной роли допрашиваемого.

Кроме того, непосредственно в ходе производства допроса следователь сталкивается с проблемой распределения когнитивных ресурсов: ему необходимо одновременно вести протокол, формулировать вопросы, наблюдать за поведением допрашиваемого, анализировать поступающую информацию и динамично трансформировать подготовленную им заранее тактику к реальной модели поведения допрашиваемого и сообщаемым сведениям. Решением данной проблемы выступают системы автоматической транскрипции: например, португальская система INTU-AI в режиме реального времени преобразует устную речь в текст, фиксируя паузы, оговорки, интонационные изменения и паралингвистические сигналы [2]¹. Использование подобных разработок позволяет следователю освободиться от технической рутины и сконцентрироваться на тактическом управлении допросом.

Наиболее сложным и дискуссионным направлением является использование ИИ для мультимодального анализа эмоционального состояния допрашиваемого. Израильская компания Airis разработала программное обеспечение, применяемое спецслужбами при расследовании террористических актов, которое обрабатывает видеоматериалы и аудиозаписи из социальных медиа, выявляя микроэкспрессии и стресс-индикаторы [3, с. 156]. Современные системы анализируют три канала — визуальный, аудиальный и тексто-

¹ Tech Talks: The impact of Gen AI on regulations across Asia & the US // Eversheds Sutherland: site. URL: <https://www.eversheds-sutherland.com/insights> (access date: 10.06.2026).

вый. Иными словами, решается задача одновременного восприятия не только буквального, лингвистического смысла того, что человек говорит, но и определения, как он говорит, на основе детекции неподконтрольных сознанию микровыражений лица, а также анализа эмоциональной окраски речи (тональности, тембра и частотных характеристик голоса). Выявление состояния неконгруэнтности, при котором внутренние убеждения, мысли и эмоции допрашиваемого не соответствуют внешним вербальным и невербальным проявлениям, позволяет отличить бессознательный процесс самообмана от намеренной и полностью контролируемой лжи, скорректировать тактику допроса и добиться его максимальной результативности.

Согласно данным эмпирических исследований, точность автономных систем детекции лжи достигает 77 %, что статистически значительно выше аналогичного показателя интуиции человека — около 56 % [2]. Однако этот факт имеет и обратную сторону: почти каждый четвертый вывод алгоритма потенциально ошибочен. Лицо, испытывающее стресс вследствие самого факта уголовного преследования (особенно при первичном допросе), демонстрирует поведенческие реакции, идентичные реакциям при сознательном сокрытии информации. Следовательно, данные мультимодального анализа могут рассматриваться исключительно как ориентирующая информация, способная помочь сформировать следственные версии, но не обладающая доказательственным значением.

Наряду с возможностями практика фиксирует случаи, когда использование ИИ приводило к существенным криминалистическим ошибкам. Приведенный выше пример А. И. Бастрыкина, описывающий случай ошибочного задержания лица по преступлению прошлых лет, требует детального криминалистического анализа: в данной ситуации алгоритм, обработав данные старого уголовного дела (протоколы допросов, ограниченный круг вещественных доказательств, оперативно-разыскную информацию), выявил корреляционные совпадения и указал на конкретного человека. Следователь, доверившись рекомендации, провел задержание и предъявил обвинение. Последующее появление жесткого алиби (нахождение лица в ином месте в момент совершения преступления) опровергло положенную в основу обвинения версию и еще раз подтвердило, что, несмотря на всю цифровизацию уголовного процесса, человек остается его ключевым звеном, способным мыслить

критично и рационально, логически и интуитивно принимать процессуальные решения, меняющие ход и тактику расследования, и главное — нести ответственность за их практическую реализацию.

Итак, с позиции криминалистики использование ИИ в повседневной практической деятельности сопряжено с тремя ключевыми рисками. Во-первых, происходит смешение корреляции с каузальностью: наличие совпадений (внешнее сходство, использование похожего предмета одежды или средства связи) алгоритм, оперируя только математическими корреляциями, может интерпретировать как доказательство причастности, не имея возможности установить причинно-следственную связь.

Во-вторых, существует проблема зависимости итоговой модели версии от качества и полноты входных данных (правило «Garbage In, Garbage Out»). Так, в материалах дел по преступлениям «прошлых лет» часто отсутствуют современные биометрические данные (ДНК-профили, качественные изображения), что увеличивает вероятность ошибки идентификации. Безусловно, исторически процесс расследования преступлений всегда стремится к использованию самых передовых достижений науки и техники каждой эпохи, поэтому формирование доказательственной базы должно осуществляться в том числе на перспективу появления новых подходов к решению криминалистических задач, обеспечивать полноту и всесторонность исследования обстоятельств дела.

В-третьих, широкое распространение высоких технологий и их доступность неограниченному кругу лиц привели к возникновению феномена «алгоритмического авторитета». Так, получив «научно обоснованную» рекомендацию от ИИ, следователь может утрачивать критическое восприятие информации, что вступает в противоречие с требованием ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ об оценке доказательств по внутреннему убеждению. К примеру, согласно исследованию ProPublica (2016), использование системы COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions) в судах США для прогнозирования риска рецидива демонстрировало систематическую предвзятость: алгоритм завышал риск рецидива для афроамериканцев и занижал для лиц европеоидной расы [4]. Важно отметить, что разработчики не закладывали расовые признаки в исходную модель. Алгоритм самостоятельно, путем дина-

мично развивающегося на данный момент машинного обучения, перенял дискриминационные паттерны, содержащиеся в истории судебных решений. Более того, алгоритм COMPAS являлся коммерческой тайной, что делало невозможной его проверку стороной защиты.

Более того, в доктрине уголовного процесса также выделяется проблема «галлюцинаций» нейросетей — ситуаций, когда генеративные модели (англ. Large Language Model, LLM) продуцируют несуществующие факты, выдавая их за достоверные¹. Поэтому в международной юриспруденции сформировалось правило: ссылка на «рекомендацию нейросети» не освобождает должностное лицо от ответственности за проверку фактов и не может служить единственным основанием для процессуального решения. Алгоритмы не обладают и внутренним убеждением, предполагающим рефлексивную оценку совокупности доказательств, недоступную вероятностным моделям, а также неспособны при принятии решений руководствоваться не только буквально закрепленными в законе нормами, но и совестью как категорией нравственного сознания, связанной с ответственностью перед человеком и обществом. Китайский Модельный закон об искусственном интеллекте (2023) ярко демонстрирует важность закрепления принципа прозрачности и объяснимости алгоритмов (англ. Explainable AI)². Для уголовного судопроизводства это требование имеет фундаментальное значение: выводы, полученные с помощью непроверяемого «черного ящика», не могут выступать в качестве судебных доказательств.

На основании вышеизложенного, а также исходя из анализа правоприменительной практики и доктринальных подходов, представляется возможным сформулировать криминалистически обоснованные рекомендации по интеграции ИИ в тактику допроса.

Во-первых, на этапе подготовки к допросу использование систем анализа больших данных (англ. Big Data) для выявления скрытых связей между фигурантами (как в делах об убийствах Д. Дугиной и В. Татарского) должно обязательно подкрепляться верификацией полученной информации через следственные действия и внутреннее убеждение следователя. Перспективным является

применение платформ визуализации связей и генеративных возможностей ИИ для реконструкции структуры преступной группы, определения иерархии и каналов коммуникации, формирования предварительного вопросника с учетом личности допрашиваемого и специфики расследуемого события [3, с. 87].

Во-вторых, необходимость на этапе собственно производства допроса обработки больших объемов доказательственной информации делает внедрение элементов ИИ в практику расследования преступлений объективной необходимостью: техническая поддержка следователя обеспечивает оптимизацию и автоматизацию рутинных операций. Применение систем автоматической транскрипции освобождает допрашиваемое лицо от технической фиксации и позволяет сконцентрироваться на тактическом аспекте, а данные мультимодального анализа (детекция эмоций, стресса) предоставляют дополнительную ориентирующую информацию для выдвижения версий, не подменяя собой при этом доказательства виновности или невиновности допрашиваемого.

В то же время отметим, что следователю крайне важно сохранять режим «критического потребления» данных, не делегируя алгоритмам функции принятия процессуальных решений, а также учитывать высокую вероятность ошибок («галлюцинаций»), предвзятости, обусловленной качеством обучающих выборок и несовершенством самообучающихся только на основе статистических корреляций систем без анализа причинности. Все выводы, полученные с помощью ИИ, в обязательном порядке должны быть проверены посредством процессуальных источников доказательств, а персональная ответственность — возлагаться исключительно на человека как субъекта познавательной деятельности, когнитивные функции которого нейросети только имитируют, но не подменяют [3, с. 87].

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что технологии ИИ в настоящее время могут и должны являться инструментом совершенствования уголовного судопроизводства. Эмпирические данные подтверждают их высокую эффективность в аналитических задачах, а также свидетельствуют о значительном криминалистическом потенциале этих систем. Тем не менее прецеденты судебных ошибок определяют необходимость жесткого ограничения пределов использования ИИ: последний является только вспомогательным средством познания, но не субъектом доказывания. Формирование внутреннего убежде-

¹ Tech Talks: The impact of Gen AI on regulations across Asia & the US.

² Закон об искусственном интеллекте: модельный закон (экспертный проект) / Академия общественных наук Китая. Пекин, 2023. 98 с.

ния, оценка достоверности показаний и принятие итоговых процессуальных решений остаются исключительной прерогативой следователя, руководствующегося законом и совестью. Только разработка и законодательное закрепление требований, регламентирующих прозрачность используемых алгоритмов, процедуры верификации результатов ИИ иными доказательствами, а также определяющих субъективную ответственность за решения, принятые на основе рекомендаций ИИ, позволит реализовать потенциал современ-

ных цифровых технологий в повышении скорости и качества расследования без риска нарушения фундаментальных принципов уголовного процесса. Необходимо обеспечить прозрачность и подотчетность алгоритмов ИИ, а также на системном уровне информировать и проводить обучение сотрудников правоохранительных органов, прокуроров, судей и адвокатов по вопросам информационной безопасности, этики и защиты прав человека в контексте использования цифровых технологий и ИИ.

1. Цифровая криминалистика: учеб. для вузов / под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 490 с.

2. INTU-AI: digitalization of police interrogation supported by Artificial Intelligence / Garcia J. P., Grilo C., Domingues P., Miragaia R. // Applied sciences. 2025. Vol. 15 (19). P. 10781—10795.

3. Сбор доказательств с использованием искусственного интеллекта: материалы междунар. круглого стола / под общ. ред. А. В. Федорова. Москва: Юрлитинформ, 2024. 312 с.

4. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine-bias: risk assessments in criminal sentencing // ProPublica: site. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (access date: 10.06.2026).

1. Digital forensics. Textbook for universities. Red. by V. B. Vekhov, S. V. Zuyev. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurait; 2024: 490. (In Russ.).

2. Garcia J. P., Grilo C., Domingues P., Miragaia R. INTU-AI: digitalization of police interrogation supported by Artificial Intelligence. Applied sciences, 10781—10795, 2025. (In Eng.).

3. Evidence collection by using artificial intelligence. Materials of the international round table. Red. by A. V. Fedorov. Moscow: Yurlitinform; 2024: 312. (In Russ.).

4. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine-bias: risk assessments in criminal sentencing. In: ProPublica: site. Available from: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing>. Accessed: 10 June 2026. (In Eng.).

Данилкина Виталия Михайловна,
доцент кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;
kira.danilkina.15@mail.ru

Danilkina Vitalia Mikhailovna,
associate professor
at the department of criminalistics
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
kira.danilkina.15@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 30.04.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *